

AD NOTEM

www.scienceandapologetics.org
ad_notem@scienceandapologetics.org

Гл. редактор
Горяинов А.Е.

Редактор
Виолован К.Е.

Консультанты
д. ф.-м. н.
(ядерная физика)
Ольховский В.С.
д. б. н.
(биология)
Сидоров Г.Н.
к. г.-м. н.
(геология)
Лаломов А.В.
(биохимия)
Виолован К.Е.
(физика земли)
Головин С.Л.

Литературный редактор
Евдокимова Н.А.

Корректор
Серебрянская В.А.

Набор и верстка
Головко А.А.

Адрес редакции
95011 Симферополь
«Момент Творения»

Права защищены.
Любое использование материалов или фрагментов из них может быть только с наличия разрешения редакции.

Редакция не всегда разделяет точку зрения авторов.
Ответственность за достоверность информации несет автор публикации.
Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

СОДЕРЖАНИЕ

2
Черная обезьяна в темной комнате
Часть 3.

Алексей Милюков

ЧЕРНАЯ ОБЕЗЬЯНА В ТЕМНОЙ КОМНАТЕ

часть 3.

«Народного академика» Лысенко, было дело, спросили – почему его опыт по выведению птицы пеночки из яйца кукушки никто не может больше повторить. «Для того, чтобы получить какой-либо результат, - мудро сказал Лысенко, - нужно просто хотеть его получить».

Запомним эту гениальную фразу, ибо в третьей части наших записок мы вступаем именно в область, очерченную академиком, а именно – в область страстного хотения эволюционистами «нужного результата» и тяжелых творческих потуг получить его с помощью любых манипуляций, фокусов и софизмов. В предыдущих главах рассматриваемой книги нам не удалось увидеть ни нашего обезьяноподобного предка-прародителя, ни «недостающего эволюционного звена» меж ископаемыми обезьянами и «настоящими» людьми. Нам не удалось пощупать реальные кости реальных эволюционных «родственников», не убедила нас и «философия» эволюции – все рассуждения о ее механизме оказались не выше уровня неловких фантазий и описаний, придуманных постфактум, в качестве подгонки под уже произошедшие события.

На этот раз, при рассмотрении главы «*Культура и карьера шимпанзе*» объектом нашего внимания будет еще один изящный софистский трюк современного эволюционизма, широко бытующий ныне «научный» прием - коль уж палеонтология оказалась нам плохой помощницей, всю эволюционную энергию нужно сосредоточить на имеющемся сходстве меж нами, людьми, и так называемыми современными человекообразными обезьянами. Официально нужно заявить о нашем желании реконструировать прошлое человечества, на самом деле – любым способом показать, что человек и обезьяна находятся в несомненном эволюционном родстве. Показателем такого родства будет считаться наличие у обезьяны типично человеческих черт и качеств.

** Здесь и далее оригинальный авторский текст представлен *курсивом*, комментарии А. Милюкова – обычным текстом.

дистанция меж этими двумя видами не может быть объяснена с точки зрения синтетической эволюции.

А ларчик, как мы уже говорили, открывается просто. Для эволюционистов слишком силен соблазн видеть в человекообразии шимпанзе наше с ним эволюционное родство - при этом они возводят «отдельные элементы культуры» шимпанзе в некий качественный признак, что, разумеется, есть фикция. Как ни крути, а шимпанзе не обладают понятийным мышлением, то есть способностью самостоятельно формировать отвлеченное представление о предмете. Я ни в коей мере не отрицаю наличия у шимпанзе своеобразного интеллекта и своеобразного «мышления», но, судя по всему, действительно, **у обезьяньих способностей есть свой четкий, физиологически обусловленный предел.** Так и выходит, что рассматриваемая нами глава должна называться не «*Культура и карьера шимпанзе*», а «*Как добрые люди из «отдельных элементов культуры» сделали шимпанзе карьеру*». Другая точка зрения, которая заслуживает, как мне кажется, гораздо большего внимания – это не-эволюционные причины человекообразия высших обезьян. - (http://www.goldentime.ru/HRS_Text_004.htm)

Ученые-практики совершенно справедливо используют биологическое сходство шимпанзе с *Homo sapiens* в тех областях, где шимпанзе может реально помочь человеку. А «идейные» попытки вывести из поведения некие знания о нашем эволюционном прошлом мне представляются пустой тратой времени. С тем же успехом можно заставлять корову нырять в сельском пруду, чтобы попытаться понять поведение кита и найти ответ на вопрос – почему сухопутные млекопитающие перешли к жизни в водной среде?

дыграть этой ангажированной идее вынуждены будем сместить почтенную публику подобными исследовательскими «успехами» в тяжких поисках эволюционного становления обезьяньей личности:

«Учитывая значимость кооперативного поведения для выживания, ученый (Франс де Вааль. – *А.М.*) высказывает уверенность в том, что исследования (капуцинов. – *А.М.*) проливают свет на эволюционную основу важного элемента существования человеческого общества - **принципа «ты мне - я тебе», который применим не только в экономике, но и в человеческой морали**, где одно доброе деяние может обернуться другим» (Н. Максимов).

Вот тебе, бабушка, так сказать, и юрьев день. Вот тебе и две тысячи лет христианства. Если принципом человеческой морали является «ты мне – я тебе», то тогда - да, действительно, незачем копыя ломать, разница меж обезьянами и представителями столь «морального» человечества – исключительно количественная.

Завершая обзор главы «*Культура и карьера шимпанзе*», естественным будет спросить – а правомерно ли вообще с нашей стороны ставить вопрос о возможности изучения поведения шимпанзе на предмет поисков эволюционной связи с человеком? Самые простые вопросы способны обернуться тут головной болью для эволюционно ориентированного исследователя. Например, если навыками культуры обладают все три ветви, разошедшиеся от общего предка (человек, шимпанзе и орангутан), то спрашивается, когда эти навыки возникли – до разделения или после? Что тут и кого тут изучать, если мы даже не знаем – был ли унаследован тот или иной «признак» у трех представителей от общего предка или в трех ветвях появился независимо? И почему обезьяны более низкого ранга в деле проявления элементов «культуры» частенько «отбирают хлеб» у высших, например, те же «умные» капуцины (которые пытаются сбивать камнями замки с клеток или, скажем, отбирают слизь с пойманной квакши о древесную кору)?

Эволюбы не понимают, что те же лелеемые ими шимпанзе способны доставить эволюционизму гораздо больше неприятностей, нежели помочь – например, трудно понять, почему ранние представители двух ветвей, человека и шимпанзе, эволюционировавшие примерно в одинаковых условиях, пришли к столь поразительно разным результатам? Или взять миф о генетической и биохимической близости человека и шимпанзе как о лучшем доказательстве нашего эволюционного родства. На самом деле такая близость «внутреннего устройства» просто режет всю светлую эволюционную картину - при столь малой генетической разнице (2-5%) в строении наших с шимпанзе геномов зримая всем огромная морфологическая и психофизическая

Итак, переходных форм нет, родственные связи не установлены. Кроме того, мы знаем, что последние бодрые попытки ученых доказывать эволюцию через генетическое родство столь же бодро привели старую добрую дарвиновскую идею (именуемую нынче синтетической теорией эволюции) к «неожиданному» нокдауну в виде развала эволюционного дерева.

Чем же в этом случае способен помочь опыт подковерной борьбы, усвоенный *эвословами* и *эводелами* еще со старых добрых времен пилтдаунского сорокалетнего торжества?

Совершенно очевидно, что сегодня на эволюционном подиуме нужно поставить человека по стойке смирно, а рядом с ним поместить нечто внешне человекоподобное, что более других на него похоже, в данном случае – и кто б сомневался – «человекообразную» обезьяну. Нужно на время забыть прежнюю идеологическую некорректность: «Человек - это звучит гордо!» и сосредоточить усилия на идее: «Обезьяна - это тоже круто!». Сказано - сделано, смотрим сходство. Оба существа - млекопитающие, у обоих по две руки, по две ноги. У обоих отсутствует хвост, у обоих большой палец руки противопоставлен остальным, то есть, оба существа могут брать в руку некие предметы.

Но одного этого сходства, разумеется, мало. Чтобы никто из скептиков не сомневался в родстве этих двух индивидов, нужно чисто механистически свести их вместе в одном списке, в одной классификации - придумать им новый «нужный» статус и новые имена. Карл Линней существенно помог эволюционистам в том смысле, что не развел по разным углам наших героев, а напротив, искусственно объединил их в одном отряде приматов. Однако же и этот «факт» родства можно усилить новыми партийно-эволюционными постановлениями. Имя хомо сапиенсу, так и быть, можно оставить, зато пан троглодита (шимпанзе) сегодня обязательно – так сказать, архиважно! - переименовать не иначе как в **хомо** троглодита. Любодорого посмотреть. Были какие-то чужаки, *Homo sapiens* и *Pan troglodytes*, а стали близкие братья - *Homo sapiens* и *Homo troglodytes*...

Смотрим далее, что получилось. Руки, ноги, хвосты, имена... Все вроде в порядке. Но какой-то внутренний голос подсказывает, что и этого мало. А самым сильным тактическим ходом для доказательства родства будет следующий – шансы обоих претендентов нужно обязательно по мере сил **уравнять**. То есть, пусть человек стоит себе на эволюционном подиуме и краснеет за свое несовершенство, зато вот обезьяну... Обезьяну нужно всеми силами, любым, что называется, «доступным науке способом», возвысить, «подтянуть» до человека. Человеку сразу за все его качества давайте поста-

вим тройку с минусом (недозволюционировал, подлец, плохо рождает, остеохондрозом болеет, любит воевать, природу уничтожает), зато в каждом пуке и чихе обезьяны будем видеть ее горячее желание немедленно начать писать «Евгения Онегина» и строить корабли для полета на Луну.

Итак, условились. Чтобы очеловечить обезьяну и объявить ее «культурной», что нужно сделать, как вы думаете? Абсолютно правильно. Понятие «культура» в ее человеческом значении нужно упростить, это раз. И доказать, что признаками этой «культуры-мультикультуры» обладает также обезьяна, это два. Задачи наши определены, цели ясны. За дело, товарищи! Айда «опускаться» культуру!

«Несмотря на чрезвычайное многообразие предлагавшихся расшифровок интересующего нас понятия, существует, на мой взгляд, всего лишь два основных подхода к его определению. Один из них – традиционный - заключается в том, что культуру, прежде чем определить, что это такое, заранее уже рассматривают как нечто специфически человеческое, нечто, являющееся и существующее только вместе с человеком (White 1959:8; 1959a; Маркарян 1969:61, 1983:86; Каган 1974:188)».

Разумеется, разумеется, что вопрос этот мировоззренческий. Если применять к делу библейский подход, то ничего «нового», понятно, у нас и не получится. Но если для истолкования окружающей действительности (наблюдаемых фактов) принять допущение, что все живые существа находятся в биологическом родстве, то окружающее сразу обретает новый, истинный смысл и эволюционное дыхание становится спокойным и ровным.

Библия по определению, скажем так, рассматривает человека отдельно от всего прочего мира – животного и растительного. Если же принять фантазию «общего биологического колхоза», то культура человека оказывается помещенной в эту общую для всех живых существ биологическую «систему координат». Неважно, что у исследователя в этом случае теряется всякая опора под ногами. Неважно, что огнь становится принципиально невозможной какая-либо культурная или этическая «аксиоматика» - зато уж фантазия здесь может быть безграничной!

Многие убежденные эволюционисты отчего-то уверены (если не лукавят), что если переопределить неудобное понятие, дать ему новое имя или упростить до предела, то проблема тем самым будет автоматически закрыта. «За миллион лет чего только не может случиться!». «Если желудь превращается в дуб, значит молекула водорода со временем превратилась в человека».

Л. Вишняцкий говорит, что «поведенческий репертуар даже самых развитых приматов включает **лишь отдельные элементы культуры**, не связанные в сколько-нибудь целостную, имеющую жизненно важное значение систему». Так что же, ради этих **отдельных элементов** всё и затевалось? Из-за этих отдельных элементов шимпанзе получил статус существа, качественно равного человеку? Полноте. Эволюционисты подразумевают - если животина поправила камень, чтоб орех не скатывался, то сие значит, что она приняла осознанное решение, которое в очередной раз «потренировало» ее мозг в деле развития абстрактного мышления и накопления личного опыта. Но весь гипотетический миллионлетний опыт тысяч и тысяч особей шимпанзе по выравниванию «наковальни» (слово-то какое!) для устойчивости ореха - обернулся ли он хоть каким-либо признаком, важным для выживания вида, не говоря уже о развитии интеллекта? «Где деньги, Зин?».

Для меня очевидно, что эволюционно настроенные исследователи за «культуру» обезьян охотно принимают всё подряд и порой нечто совершенно «левое». Видимо, эволюционная идея и впрямь находится в глубоком кризисе, если даже эволюционисты под **культурой шимпанзе** подразумевают то поведение и те действия, которые для самой обезьяны в биологическом и эволюционном плане не играют практически никакой роли. Под культурой же шимпанзе в самом широком смысле они эмоционально подразумевают **лишь уникальную способность этих приматов в силу особенностей их строения быть похожими на нас** - причем, действительно, быть похожими до такой степени, что это часто сбивает с толку и кажется проявлением обезьяньего интеллекта. А уж в быту человек и вовсе склонен всячески подыгрывать шимпанзе в этом человекообразии, одевая этих существ в свою одежду, сажая на весла в лодке и обмениваясь улыбками и рукопожатиями. Очень эффектно смотрится шимпанзе в скафандре космонавта – создается комическое ощущение, что обезьяна едва ли не по собственной воле, без участия человека, собралась осваивать космос.

Авторитетная исследовательница, прожившая среди шимпанзе много лет, Джейн Гуделл, говорит:

«...Проводить прямые параллели между поведением обезьян и поведением человека неправильно, так как в поступках человека всегда присутствует элемент нравственной оценки и моральных обязательств, неведомых шимпанзе».

И это качество является принципиальным в понимании проблемы. Иначе мы навек обречены задавать вопросы без ответов и в своем стремлении по-

*«Таким образом, с одной стороны, очевидно, что интеллектуальные возможности шимпанзе и ряда других обезьян вполне достаточны для осуществления ими весьма сложных форм культурного поведения. С другой стороны, не менее очевидно, что **реализуются эти возможности редко**, и что на деле в естественных условиях поведенческий репертуар даже самых развитых приматов включает **лишь отдельные элементы культуры**, не связанные в сколько-нибудь целостную, имеющую жизненно важное значение систему».*

Стоит сравнить это финальное высказывание Л. Вишняцкого с Перлом № 3 от Л. Буговской, содержащем решительное утверждение о том, что меж человеком и высшими обезьянами качественного различия можно даже не искать. Однако вывод Л. Вишняцкого несколько иной - да, возможности некоторых обезьян достаточно высоки, но то, что мы условились именовать культурой, наблюдается у них фрагментарно и ни жизненного, ни, следовательно, эволюционного значения не имеет.

...Так из-за чего тогда весь сыр-бор?

Мы-то, прямо говоря, ждали именно специализации шимпанзе к культуре, ждали от обезьяны чего-то такого...

Чего вообще, по совести, мы хотели от шимпанзе? Насколько я понял, термин *культура шимпанзе* мы изначально хотели бы именовать некое нестандартное поведение этого примата, которое в той или иной степени обособило бы нашего героя от прочего животного мира. Мы ждали примеров того, что шимпанзе способны создать свою искусственную среду, так сказать, в пику среде естественной. То есть хоть в какой-то, хоть в самой затрапезной форме - проявили способность «покорить природу», противостоять ей не «биологически», а интеллектуально, не бегством, а осознанным наступлением - созданием орудий, построек, планированием ли задач, оптимизацией ли действий. Мы ждали от шимпанзе, что когда ему будет туго, он озабочится и в ответ на трудности расшевелит свой интеллект до осознания того простого факта, что к окружающему миру нужно даже не приспособляться, а самому его активно изменять в нужную тебе сторону.

Ведь, наверное, этого мы ждали от шимпанзе? Но он, поганец, ничего такого нам не продемонстрировал и никакой активной гражданской и социальной позиции не занял, нагло помахав перед нашим носом лишь фиктивной справкой от Л. Буговской, что, мол, в плане интеллекта и возможностей (орудийной деятельности) он и так от нас практически ничем не отличается.

«Любовь – это химическая реакция!». Зато теперь, как кубик ни бросай, а нужная тебе единица выпадет всякий раз, потому что она нарисована на всех шести гранях. Если культура определяется через сугубо человеческое поведение, говорит Л. Вишняцкий, то у нас есть реальный риск утонуть в неточностях и тавтологиях, а вот если определять культуру только через некие узкие понятия, скажем, символизм, то мы будем счастливы узнать, что:

«...Даже сама способность к символизму не является достоянием только человека, и может быть обнаружена еще у ряда видов».

Развивая свою «трудноугадываемую» мысль, автор добросовестно опирается на такие эволюционные определения культуры, которые своей широтой и всеохватностью напоминают знаменитую 58 статью сталинского УК, с ее «расширительными» литерами.

«Иными словами, культура (в самом широком смысле) - это все формы поведения, основанные на внегенетически и притом избирательно (немеханически) усваиваемой, хранимой и передаваемой информации, а также их результаты (вещественные и идеальные). Является ли такое поведение исключительно человеческим или нет - это должно быть установлено эмпирическим путем, но для определения культуры как таковой никакого значения не имеет».

Спорить с такими определениями даже не будем. Под такие определения попадает практически все что угодно – хуже, когда не попадает то, что нужно (шутка). Здесь что ни слово, то слишком расплывчатое или двусмысленное понятие. В принципе тут можно придаться к любому слову - что такое информация в трактовке эволюциониста, в каком виде осуществляется ее накопление, анализ и хранение живым организмом? И можно ли считать «культурной» информацию, вопреки определению передаваемую именно генетическим путем, например, талант человека, склонность к религиозности и просто врожденную грамотность, наследуемую от родителей... С помощью таких расплывчатых формулировок вместе с водой удачно выплещивается и ребенок – в принципе вся так называемая **особая человеческая сущность**, отличающая нас от животных, оказывается «лишней сущностью», избыточной в свете поставленных эволюционных задач. Понятно, что автор хочет сказать следующее – признаки культуры в том, что кто-то пришел, кого-то научил, передал опыт, а научаемый почесал в затылке и сам изготовил каменный скребок или нарисовал картину.

Но не менее очевидно, что авторы подобных определений скорее всего лишь «лоббировать» интересы обезьян, собираясь показать нам, что и обезьяна, стоит лишь принять «правильные», упрощенные формулировки, от людей практически ничем не отличается. А если иметь в виду, что попытка найти в обезьяне любые человеческие черты и качества есть очередная страстная мечта нынешних биологов-эволюционистов, то в терминах 58-й статьи сталинского УК под сформулированную культуру обезьян попадёт даже «скрытое намерение» какой-либо мартышки произвести действие, определяемого «эволюционным УК» как явное проявление интеллекта.

...Однако, мы отвлеклись и не заслушали первых выводов. Заслушаем, наконец, и пойдём дальше.

«На мой взгляд, если следовать только что сформулированному широкому определению культуры, то трудно не признать, что ее проявления возможны и в животном мире. Как известно, в поведении многих его представителей важную роль играет не только программа, заложенная в генах, но и информация, накапливаемая, благодаря способности к запоминанию индивидуального опыта и его пополнению через наблюдение, подражание, намеренное научение».

Ну, пока вроде бы всё идет как надо. Если не уточнять формулировки типа «запоминание индивидуального опыта» и «его пополнение через наблюдение, подражание и пр.» - то полдела, считай, сделано. Однако трудно не задать себе вопрос – а можем ли мы быть вполне уверены, что и вышеперечисленные признаки «разумной» деятельности не обусловлены также генетически? Или – страшно сказать – являются какой-либо особой, недоступной нам формой «специальной», исключительно животной «разумности»? Если мы уж взялись оперировать расплывчатыми понятиями и мыслить максимально широко, то позволю себе высказать одно столь же широкое наблюдение.

Суть его вот в чем. Практически все качества, обычно удивляющие нас в животных и позволяющие нам рассуждать об их гипотетическом интеллекте - всегда напрямую и безусловно связаны с той или иной формой **нашего с ними контакта** или **нашего целенаправленного на них воздействия**. Эволюционисты не горят желанием учитывать сей фактор в опытах с животными, хотя понятно, что поведение шимпанзе в дикой природе и шимпанзе, курящего с нами сигары, есть две абсолютно несравнимые вещи. Сейчас я скажу страшную для атеистов вещь. Вот она. Если человек возник не на общем скотном эволюционном дворе, а от «начала времён» обладает особой, сугубо человеческой, не-животной сущностью, то и отношения

Сказанное, на мой взгляд, прекрасно иллюстрирует фразу «чего хочу, то и ворочу». Если мы пытаемся сквозь тьму веков разглядеть жизнь неизвестных нам ископаемых обезьян, то бодро умозаключаем, что им там плохо, что эти невидимые обезьяны всеми силами борются за существование и в ускоренном режиме осваивают процесс изготовления каменных орудий, а также изобретают речь и развивают нормы коллективного поведения. Однако же если мы наблюдаем «наших», нынешних обезьян, то не можем не отметить, насколько этим обленившимся мерзавцам сегодня «жить стало лучше, жить стало веселее». Язык им теперь и даром не нужен, разделение труда - только по приговору суда, а уж с изготовлением инструментов совсем просто – нет должной мотивации, и отвяжись, дядя, не загораживай зеркало, тут серьезные эксперименты проводятся, а не шутки шутят.

Не думаю, что до сих пор какой-нибудь наивный практикант не предложил, хотя бы в шутку: «Ребята, а может нам, того, создать эту, как ее... мотивацию, а?». Но кому нужен эксперимент, результат которого заранее известен? Шимпанзе, будучи поставленными в «сложные» условия, наверняка, как и всякая животина, «отреагируют» чисто биологически – или вымрут, или будут убивать сородичей, но к созданию языка, к сознательному изготовлению орудий, к рациональному распределению обязанностей внутри группы – именно для качественного улучшения шансов на выживание, **вряд ли в принципе приблизятся больше нынешнего**. Обезьяна хоть до определенной степени и «умное», но все-таки животное.

Одна из интриг, связанных с шимпанзе - якобы отсутствие его ископаемых предков в летописи окаменелостей. Но если сравнить черепа ископаемой южной обезьяны Australopithecus aethiopicus (слева) и современного шимпанзе (справа), то всё, возможно, становится на свои места - различные вариации обезьян образуют собственный, отдельный от человека биологический таксон, а его ископаемые представители отсутствуют в линии шимпанзе только потому, что их бросили затыкать эволюционную дыру в качестве

сравнивать две пустоты - шимпанзе не способны изготовить каменное орудие с помощью другого орудия, а за настойчивое утверждение, что именно хабилисы - творцы олдувайской культуры, серьезные антропологи сегодня могут и побить (напомню, что это утверждение было сделано Лики еще до обнаружения хабилиса ОН62, показавшего степень обезьяноподобия даже большую, чем у шимпанзе).

Однако общая реакция на вышеприведенную цитату – так сказать, простое человеческое недоумение. И эти люди обвиняют креационистов в «искажении цитат»? Ну-ну. Гляньте-ка - «оказалось, что...»! Это как надо зажмуриться, чтоб оно так «оказалось»? Неужели это не шутка? С какого это момента шимпанзе вдруг приобрели способность к деятельности, сравнимой с изготовлением олдувайских каменных инструментов и геометрических архитектурных построек, так называемых олдувайских кругов? Может быть, пока я задремал, идейно выдержанный союз в лице одного археолога и одного приматолога привел к созданию волшебной палочки или какого-нибудь эликсира для ускорения эволюции? Тогда к ним в компанию ни в коем случае нельзя допускать ракетостроителей, ибо очень скоро выяснится, что не было таких экспедиций на Луну, организовать которые обезьяний интеллект не был бы способен.

Догматическое, дарвиновское эврословие уже давно скатилось в область иллюзионизма и травли баек, но удивлять не перестает. Если даже допустить, что именно хабилисы 2 миллиона лет назад буквально усыпали Олдувай каменными орудиями (изготовленными, кстати, с осознанной целью получить острый режущий край), то почему шимпанзе с тех пор (за 2 миллиона лет эволюции!) не приблизились ни к хабилисовскому объему мозга, ни к способности самостоятельно изготовить хотя бы один инструмент, подобный олдувайскому? Но и закрыв глаза даже на такое явное противоречие эволюционной «орудийно-мозговой» схеме - зачем прилюдно говорить вещи, столь явно несоответствующие реальному положению дел? Или это – такое неловкое подыгрывание своей идее? Святая простота? Или расчет на то, что читать будут невнимательно? Такие «научные» заявления сильно отдают банальным неуважением к настоящей науке и здравому смыслу.

«Конечно, в природных условиях сейчас ни один из видов обезьян столь сложных орудийных операций (и поведения в целом) не демонстрирует, но эксперименты и наблюдения, проводимые в неволе, заставляют думать, что это объясняется не столько недостатком интеллекта, сколько отсутствием должной мотивации (Harris 1989:29-30; McGrew 1992)».

представителей животного мира к нему, как ни крути, должны быть особыми. По Библии Адам когда-то имел власть над животными, которую утратил в результате грехопадения. Утратить-то он утратил, но реликтовые формы «сообразительности» и подчинения у многих животных в этом случае могли сохраниться.

Если кому-то эмоционально трудно воспринять сказанное, то даже без привлечения теологии давайте просто, в качестве фантазии представим, что биологическая картина мира когда-то включала в себя такую особенность, как записанное в генетическом коде всех животных свойство обязательного подчинения высшему существу – человеку, истинному биологическому «царю зверей». Впоследствии эта программа по тем или иным причинам была «свёрнута» или утрачена. Что бы мы увидели сегодня? По моему глубокому убеждению «реликтовые остатки» именно такой картины мы вокруг себя ныне и наблюдаем. То, что многие животные (слоны, собаки, дельфины) реально имеют с человеком вполне определенную высокую степень эмоционального контакта, не может быть объяснено с точки зрения эволюции – ибо официальные 5000 лет цивилизации - срок слишком малый, чтобы у собаки в генокоде успела «записаться» возможность передачи щенкам по наследству привязанности к определенному хозяину, у слонов - умение найти «интеллектуальный» выход из проблемной ситуации в пользу хозяина, а у дельфинов – неизменное дружелюбие к людям и обязательная помощь в критических ситуациях (ибо 5000 лет назад мореплавание только началось). Нас не очень удивляют истории подобные той, что произошла недавно в Морвелле (Австралия). Домашняя кенгуру Лулу, найдя на отдаленных угодьях своего хозяина, придавленного деревом, в прямом смысле «сбегала за людьми» на ферму, подняла шум (барабанила лапами в стеклянную дверь), а затем привела людей к месту ранения хозяина.

Одним словом, все странности, все загадки «разумности» животных - возможно, не в самой разумности как таковой, не в эволюционном движении животных к некоей мыслящей форме *Animal sapiens*, а исключительно в их культурном контакте с человеком, в некоей обязательной (генетической ли, поведенческой - не важно) «зараженности» их действий непосредственным присутствием и волей человека. Доводя до абсурда, собака не может быть эмоционально привязана к лошади, но исключительно к человеку – чувствовать настроение хозяина, проявлять участие и даже умирать от тоски после его смерти. Иногда кажется, что собаки даже совершают действия, относимые по нашим меркам явно к разумным (например, сегодняшняя знаменитость собачка Роки) исключительно оттого, что подобных действий ждет от них хозяин.

Таким образом, определять культуру животных через усвоенные непосредственно от человека формы и нормы поведения некорректно в любом случае, даже без генетической памяти подчинения человеку - ибо весь животный мир тогда претендует на звание высоко интеллектуального.

С другой стороны, мы не можем быть уверены даже в том, что определяемая нами «культура» животных - как в дикой природе, так и на цирковом манеже - присутствует не в генетически запрограммированном, а именно в декларируемом «благоприобретенном» виде. Уверены ли мы, что кошка запоминает обидчика? Именно так, антропообразно, «запоминает»? Не записана ли в ее ДНК программа накопления опасных ситуаций, по которой она просто идентифицирует в следующий раз одну из них, как уже бывшую? Способность хищника к охоте обусловлена генетически, но обучение своих детенышей охоте, скажем, теми же львами - не может рассматриваться в терминах интеллекта, ибо и усвоение родительского научения у львенка, и процесс обучения детеныша родителями так же генетически прописаны в виде общей для всего львиного таксона программы - родители-хищники не «передают детенышу опыт» в нашей терминологии, а, повинувшись той же генетической программе, совершают некие «инстинктивные» действия, вряд ли осознавая, что помогают на опыте раскрыться генетической программе малыша по превращению его в охотника и хищника.

Например, шимпанзе в дикой природе не способны к изготовлению орудий с помощью других орудий, но мы на полном серьезе отчего-то готовы рассматривать в терминах «культуры шимпанзе» их способность колоть орехи подвернувшейся палкой и бороться за лидерство в стае. Если бы целью было реальное желание отделить мух от котлет (изучить поведение животных без эволюционистской привязки его к человеку), то нам было бы гораздо легче рассуждать о гипотетической культуре животных и даже их традициях, но именно в терминах животного мира.

Однако в рассматриваемом эволюционно-догматическом случае, что называется, концов никогда не найдешь. Даже если искать признаки осознанных действий у животных, проживающих в естественных условиях, так сказать, без «культурного инфицирования» их человеком. Какие признаки нужно считать культурным проявлением? Где кончается инстинкт, и начинается сознательно приобретаемый индивидуальный опыт? Обезьяны обучают своих детенышей колоть орехи, но не «понимают» смерти этих детенышей, продолжая обращаться с ними как с живыми. А слоны, например, своих сородичей хоронят, забрасывая землей и камнями. Сможем ли мы наверняка утверждать, что те или иные действия животных являются осознанными (в нашем понимании)?

Некоторые заявления приматологов можно отнести к курьезным:

«Единственный, пожалуй, вид орудийной деятельности, который у шимпанзе в естественных условиях пока не наблюдался – это изготовление орудий с помощью орудий же, но приматологи полны оптимизма на этот счет (Sugiyama, 1997:26) и у них, я думаю, есть для этого все основания».

Тут не совсем понятно – какого именно оптимизма полны приматологи? Что шимпанзе в естественных условиях начнет ваять каменные орудия в течение ближайшего миллиона лет? Или оптимизм вызван тем, что нынешнему поколению ученых по всем признакам посчастливилось жить в дни исторического события, венчающего миллионлетние усилия эволюции, а именно – перехода человекообразных обезьян к настоящей, творческой орудийной деятельности? «Партия торжественно заявляет, что уже нынешнее поколение советских людей будет жить при коммуниз...», то бишь, увидит новоиспеченную вершину эволюции. И как можно быть исполненным оптимизма на предмет события, имеющего зазор плюс минус миллион лет и которое при этом от тебя абсолютно не зависит? Или тут имеется в виду, что в африканскую саванну будет выпущена группа специально обученных обезьян, некий особый обезьяний спецназ? Но и это еще не самое удивительное. А вот то, что у приматологов для подобного оптимизма «есть все основания», лично меня почему-то настораживает.

Иногда ученых-исследователей в своих выводах просто откровенно заносит. Разумеется, что отсутствие реального результата раздражает:

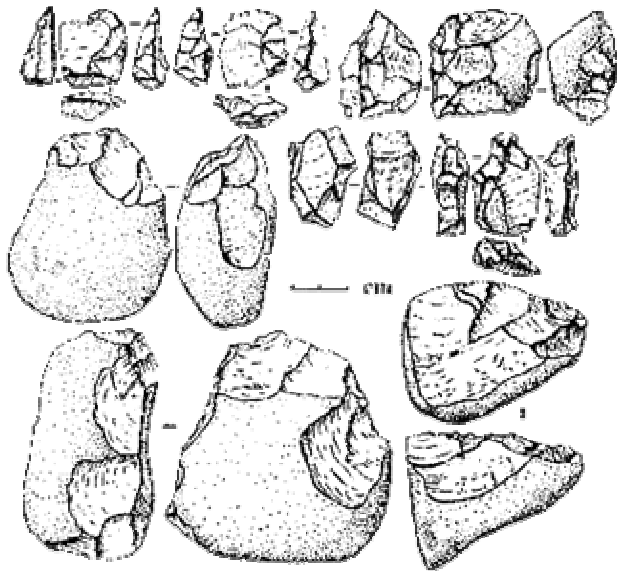
«...Английские исследователи Т.Уинн (археолог) и У.Макгреу (приматолог), обобщив и проанализировав все имевшиеся сведения об орудийной деятельности шимпанзе, сравнили итоговую картину с тем, что было известно по археологическим находкам о поведении ранних гоминид. ... Оказалось, что памятники самой древней - олдувайской - эпохи, оставленные существами, передвигавшимися уже на двух ногах и обладавшими мозгом, несколько превышавшим по объему мозг шимпанзе, не дают практически никаких свидетельств такой деятельности, к какой бы последние не были способны (Wynn & McGrew 1989; см. также Joulain 1996)».

Первая естественная реакция на эту фразу – да, это правда. Артефакты, оставленные древними хабилисами, не дают ни малейшего повода усомниться, что современные шимпанзе в чем-либо им уступают. Не уступают - абсолютно ничем. Ибо и хабилисы, и шимпанзе ни к какой подобной деятельности просто не способны. Порядок сложности тут одинаковый, ибо легко

до окончания времен (если исключить явную фальсификацию) будем обречены слышать одни и те же победные рапорты:

«Было описано (Sugiyama 1997) и множество случаев, когда живущие на воле шимпанзе использовали для решения той или иной задачи попеременно два взаимодополняющих орудия (для других обезьян таких примеров нет), а один раз зафиксировано даже применение орудия для усовершенствования другого орудия: небольшого размера камень послужил находчивому шимпанзе в качестве клина, чтобы выровнять наклонную поверхность накопальной, с которой скатывались орехи (Matsuzawa 1994; Matsuzawa, Yamakoshi 1996: 215)».

Инструменты так называемой олдувайской культуры, приписываемые *Homo habilis*. Авторами этих орудий были, вероятнее всего, представители *Homo erectus*, а видимая примитивность орудий по сравнению с ашельскими объясняется соответствующей «примитивной» целью - быстро получить острый край для разделки туши добытого на охоте животного. В любом случае утверждения о сравнимости орудийного уровня шимпанзе и мастеров Олдувая является грубой натяжкой - шимпанзе принципиально не способны приблизиться даже к такому уровню.

Рисунок из книги П.В. Волкова «Потомки Адама»

Когда же исследователем движет догма, а не желание знать правду, мы строго по Лысенко получаем то, что хотим получить:

«В этой связи уместно еще раз упомянуть и без того часто цитируемое высказывание Ч.Дарвина о том, что «как бы ни было велико умственное различие между человеком и высшими животными, оно только количественное, а не качественное» (Дарвин 1953 [1871] :239). Написанные более века назад, эти слова **вполне отвечают выводам и общему духу современных этологических и зоопсихологических исследований** (см. напр. Мазохин-Поршняков 1989) и в первую очередь, разумеется, они должны быть отнесены к обезьянам».

Разумеется, к ним, золотым нашим. И все же чисто по-человечески, эмоционально, у меня подобное состояние умов, подобный «порше-мазохизм» вызывает какое-то странное чувство, нечто среднее между грустью, сожалением и глухим раздражением. Все мы догадываемся и понимаем – ни дельфины, ни слоны, ни собаки не будут сегодня такими пристальными объектами внимания и изучения, каковыми являются обезьяны. Все эти умные и симпатичные животные «невыгодны» эволюционизму, являются для него пустым звуком с точки зрения требований догмы. Зато в новостях научных сайтов статей об обезьянах – как Киркорова в новогоднюю ночь – одновременно «на всех каналах». Ну, посмеялись в свое время уважаемые ученые над фразой Дарвина. И ведь забыли бы как очевидную глупость, так нет, всё зашло настолько далеко, что для нас эта фраза уже не может быть столь же смешной и глупой, каковой являлась изначально – мы, люди XXI века, обладаем совершенно иными технологиями и более изощренной фразеологией для доказательства правоты Дарвина. И все мы - и уважаемый Л. Вишняцкий, и креационисты, и ваш покорный слуга – все мы, кто с надеждой, а кто с тревогой, понимаем, что при таком пристальном внимании к личности обезьяны Дарвин наверняка рано или поздно «окажется прав». Потому, что пока хоть одна обезьяна у этих нынешних умников-биологов в лаборатории не заговорит человеческим голосом, они от нее не отстанут!

Ведь кто бы сомневался, что:

«Данных, подтверждающих большие интеллектуальные возможности высших приматов, становится с каждым годом все больше (Фирсов 1987; Фридман 1989:50-53; King 1991; Гудолл 1992 [1986]; McGrew 1992; Бутовская, Файнберг 1993; Бутовская 1998; Boesch & Tomasello 1998)».

Но мы, надо сказать, тоже калачи тертые. И мы уже этих победных реляций - слово в слово - слышали предостаточно. Например, упомянутая М. Буговская в одной из своих работ использует ту же словесную конструкцию:

«...Но с каждым годом антропология, и главным образом палеоантропология, предоставляет все больше научных доказательств последовательной, длящейся миллионы лет, эволюции человеческого рода. Вот уже более столетия исследователи заняты поисками «утраченного звена»...».

Однако, странное дело – с каждым годом и приматология, и палеоантропология вроде бы предоставляют нам все больше научных доказательств эволюции, но при этом с каждой новой находкой и новым экспериментом теория эволюции все более и более разваливается. Видимо, когда ученые делают какое-то закритическое количество новых открытий в пользу этой теории, она совсем умрет. Может, у подобных эволюционных авторов наличествует некая легкая психическая неадекватность, таинственным образом допускающая невероятное положение дел, когда новые факты, буквально убивающие эволюцию, считаются доказательствами ее правоты? А, может, чтоб спасти эволюционную идею, нужно просто прекратить поиски новых ее доказательств? Обрубить все хвосты, чтобы сохранить эту милую всякому рациональному сердцу теорию хотя бы в нынешнем полуразвалившемся виде? И эволюционистам будет прок, и казне послабление, а?

Но двинемся дальше. Мы в данном случае говорим о новых гипотетических подтверждениях высокого интеллекта приматов.

«Особенно отличаются в этом отношении человекообразные обезьяны, а среди них шимпанзе, которые, не прикладывая к тому никаких усилий, сделали, тем не менее, за последнее десятилетие просто головокружительную «карьеру».

Чтобы вполне понять причину такой карьеры, нужно вернуться к словам Л. Буговской: **«Вот уже более столетия исследователи заняты поисками «утраченного звена»...** Нетрудно догадаться, что неожиданная звездная карьера шимпанзе находится в непосредственной связи именно с результатами напряженных поисков «утраченного звена». А именно - с его трагическим отсутствием, несмотря на 150-летние маниакальные поиски. То есть, если, скажем, в драматическом театре из гримерки народного артиста вдруг слышны шум, битье посуды, пьяные крики, а потом дублеру говорят: «Ты знаешь, старик, кажется, играть теперь придется тебе...» - то это явно означает, что некоторый проект нуждается в срочном спасении каким-либо альтернативным способом.

риментальных условиях обезьяна может не только изготавливать орудия – она способна копировать практически весь спектр человеческого поведения. Если шимпанзе способен в дикой природе использовать палку или камень – то что из этого следует? Честно говоря, я никогда не мог понять до конца одной эволюционной «фишки» - почему это орудийная деятельность у животных считается признаком человекоподобия и разумности.

Как говорилось выше, орудийными навыками владеют и некоторые низшие обезьяны, однако даже завзятый эволюционист не станет выводить из этого факта ни их родства с человеком, ни эволюционного торжества разума. Прочитирую отрывок из работы А. Хоменкова:

«Что касается использования обезьянами орудий труда, то кроме обезьян ими пользуются еще многие другие животные. Здесь мы также не встречаем чего-либо уникального для животного мира, приближающего обезьян к человеку. Так, «галапагосский дятловый вьюрок (*Cactospiza pallida*) отыскивает насекомых в трещинах древесной коры, используя для этого колючку кактуса, которую он держит в клюве». Один из грифов – стервятник обыкновенный (*Neophron percnopterus*) может «поднимать камень в воздух и бросать его на гнездо страуса или брать камень в клюв и бросать его на яйцо. Такое использование камня уже считается применением орудия, поскольку камень можно рассматривать как продолжение тела грифа».

Честно говоря, можно позавидовать упрямству исследователей, когда уже понятно, что обезьяны в течение многолетних экспериментов и наблюдений давно показали весь свой класс, продемонстрировали биологический предел своих интеллектуальных возможностей. Мало того. Новые данные о строении обезьяньего мозга (Медицинский колледж в Джорджии, США, 2001) показывают, что мозг шимпанзе, даже несмотря на его большое сходство с человеческим, устроен принципиально иначе. У человеческого мозга разные области отвечают за разные функции, например, речевой центр расположен в левом полушарии. У обезьяньего же мозга «не предусмотрена» даже «функциональная» асимметрия, подобная человеческой.

Все фантазии о том, что шимпанзе «вот-вот заговорят», являются обыкновенной проэволюционной спекуляцией. Чужих денег считать не будем, но есть у меня еще и подозрение, что участники многочисленных исследований и международных проектов вроде «Культура шимпанзе» не очень-то стремятся остаться без работы, да и не похожи на людей, которым грозит безработица. Прошу обратить внимание, что я здесь не веду речи об **исследованиях обезьян, связанных с реальной медицинской помощью человеку**. Но в деле «постижения своей истории» через обезьян, я уверен – мы

«По мнению Кендона, необходимость в языке возникает лишь с появлением дифференциации и взаимодополняемости между действиями разных индивидов внутри группы, иными словами, с разделением труда».

Таким образом, идею обучения обезьян языку можно считать закрытой. Пока они не дорастут хотя бы до разделения труда, тратить народные деньги на лингвистическое образование этих волосатых дармоедов, как мы поняли, бессмысленно.

С другой стороны, подобная эволюционная ЗООлогика опять демонстрирует уже знакомую нам ходьбу по кругу. Язык есть явный признак осознанной, разумной деятельности. Для его создания должна появиться необходимость в нем. А такая необходимость не может появиться без появления явных признаков осознанной, разумной деятельности внутри обезьяньего общества. Короче говоря - для того, чтобы у обезьян появился язык, они должны быть разумными, но поскольку они неразумные, то и язык им не требуется. А вот если бы они были разумными... И так далее, со всеми оставками.

...Но перейдем к третьему критерию эволюционной «культуры шимпанзе»:

«В-третьих, как выясняется, и в области орудийной деятельности различия между шимпанзе и людьми тоже не столь велики, как считалось еще совсем недавно. То, что обезьяны, причем не только человекообразные, способны использовать, а в экспериментальных условиях даже изготавливать простейшие орудия, в том числе каменные (Wright 1972; Toth et al. 1993; Westergaard 1995), давно уже никого не удивляет».

Ключевая фраза здесь, по-видимому, «никого не удивляет», а вовсе не «обезьяны способны использовать простейшие орудия». Удивительны откровения современной приматологии. Удивительна современная эволюционная мысль. Прodelайте такой эксперимент где-нибудь на стороне – придите, скажем, в НПО «Энергия», встаньте посреди сборочного ракетного или компьютерного цеха и крикните что-нибудь вроде: «Господа! Минуточку внимания! Да будет вам известно, что в области орудийной деятельности различия между шимпанзе и людьми не столь велики, как считалось еще совсем недавно!». Побьют наверняка. А тут, на страницах эволюционных изданий – ничего, вполне проходит.

Способность же обезьян к обучению (дрессировке), а также к уморительному для нас подражанию человеческим манерам хорошо известны. В экспе-

«Можно сказать, что шимпанзе, сами о том не ведая, почти вплотную приблизились к людям, так что, кажется, еще чуть-чуть, и они станут полноправными членами если не человеческого общества, то, во всяком случае, человеческого рода».

Абсолютная правда. Что касается шимпанзе, то люди уже давно занимаются ими вплотную, и шимпанзе, **сами о том не ведая**, летают в космос и спасают людей, нуждающихся в переливании крови. Но шимпанзе абсолютно не ведают того, чего ждут от них те исследователи, которые заставляют их запоминать таблички и радуются каждой их ошибке: «Ура-а, новое словосочетание!».

«...Так что, кажется, еще чуть-чуть...». Вот уж воистину - для того, чтобы получить результат, нужно просто хотеть его получить!

Но уважаемый Л. Вишняцкий забыл одну простую вещь. Дрессировка, тренировка, напряженная педагогическая работа с шимпанзе к эволюции никакого отношения не имеет. Работа человека над обезьяной есть деятельность мыслящего существа, что можно уподобить скорее целенаправленной работе Творца, нежели метанию случайных сил эволюции. Тут имеет место явное проявление «интеллектуального дизайна», когда по сути часть дикой природы (шимпанзе) принудительно «изменяется» человеком в сторону искусственной среды (культуры). Даже с эволюционной точки зрения благородная научная цель – вытрясти из обезьяны всю душу, чтобы она хоть немного «поумнела» - есть эксперимент не чистый. Повторяю еще раз – то, на что реально «способна» обезьяна, можно и должно подсматривать только в дикой природе, но никак не добиваться от нее дрессировкой. Хотим просто узнать предел обезьяньего интеллекта? Ерунда, потому что по сути **наблюдаем лишь отражение своего**. Кроме того, если бы исследователи действительно хотели на примере изучения шимпанзе проследить и реконструировать собственно прошлое самого человека... Это была бы идея ошибочная, но зато не такая до неприличия «ангажированная», как все эти упорные попытки доказать через гипотетический «интеллект» шимпанзе его родство с человеком.

Той же М. Бутовской принадлежит цитируемая Л. Вишняцким фраза, которой я без всякого раздумья отдал бы почетное звание Перла № 3. Она влечена в текст автора:

«По мнению некоторых приматологов, накопленные к настоящему времени данные «существенно подрывают традиционные представления о качест-

венной уникальности человека и делают поиски пресловутой грани между ним и человекообразными обезьянами малоперспективными» (Бутовская 1998: 94). Существование различий, конечно, не отрицается, но они рассматриваются как преимущественно количественные».

Ну ладно там еще старик Дарвин рассуждал «вообще». Но чтобы - современные ученые? Однако цитата из Л. Бутовской хороша тем, что в одной незатейливой фразе содержится целая россыпь эволюционного подтекста. Мне отчего-то слышится, что Л. Бутовскую вовсе не удручает потеря человеком его исключительного статуса, а, напротив, едва ли не радуется. В словах о преодолении традиционных представлений всегда есть некий оттенок иронии над «старым». Но и традиция тут не просто потревожена или покачнулась, а именно подорвана, именно так, энергично, победно – «*новые данные существенно подрывают традиционные представления*». При том, что у современной дисциплины приматологии нет каких-либо особых оснований победно размахивать флагом и говорить банкетные речи, Л. Бутовская как бы призывает «расслабиться» и впредь не заниматься глупостями – по сути прекратить искать «**пресловутую грань**» меж человеком и обезьянами, ибо такой грани скорее всего просто не существует. В сущности Перл № 3 от Л. Бутовской мало чем отличается от Перла № 1 уважаемого Л. Вишняцкого – здесь та же эволюционная самоуверенность и убежденность в наличии «финальной» научной истины – мол, чего там гадать и сомневаться, всё уже окончательно доказано, осталась лишь малоинтересная работа по уточнению деталей.

«Существование различий, конечно, не отрицается, - обнадеживающе замечает Л. Вишняцкий, - но они рассматриваются как преимущественно количественные».

И снова мне, так сказать, и грустно, и тревожно. **Талант, творчество, аналитическое или образное художественное мышление, религиозность, интуиция, «иррациональное» этическое чувство** – все это, оказывается, присуще и обезьянам... ну, разве что в несколько меньших количествах. Видимо, именно такие рассуждения «некоторых приматологов» имела в виду кэрролловская Королева, когда говорила, что слышала чушь такую, по сравнению с которой обычная чушь может показаться толковым словарем.

Однако наступает время узнать критерии «разумности» обезьян. Вот они.

«Выделяется как минимум три важнейших сферы мышления и поведения, в которых шимпанзе демонстрируют невиданные в животном мире дости-

Действительно, что их удерживает? Вообще-то мы уже знаем, что шимпанзе молчат потому, что у них отсутствует голосовой аппарат человеческого типа, но вопрос Кендона можно переформулировать иначе – почему эволюция не подвинула шимпанзе к созданию хоть какой-нибудь осмысленной системы коммуникации?

Однако, никогда нельзя расслабляться и забывать, что, если спрашиваешь о чем-нибудь эволюциониста, то лучше на всякий случай держаться за что-либо устойчивое - стул или стену. Ибо подобного сногшибательного ответа я никак не ожидал.

«Э.Кендон, задав себе и читателю эти вопросы, отвечает на них так: «Шимпанзе не создали подобную языку систему коммуникации потому, что они не нуждаются в ней. Их социальная жизнь ее не требует» (ibid.:212)».

Э-э-эх... Какую песню загубили... «Их социальная жизнь ее не требует»!

То есть, проще говоря, «почему обезьяны не разговаривают?». – «А оно им надо?».

И в то же время попробуй оспорить такую «гипотезу». Искомому эволюционного признака у обезьян не существует потому, что он обезьянам не нужен. А у тех, кому был нужен, он благополучно появился. У слона хобот появился потому, что именно такой хобот был слону нужен, слон просто остро нуждался именно в таком хоботе. А у кита такой хобот не появился потому, что был он киту – как бельмо на глазу, то есть, совсем не нужен. Отличная логика, беспроегрешная.

Однако, следуя этой логике, сама жизнь как «глобальный» признак появилась только потому, что **в ней кто-то нуждался**. Причем нуждался именно здесь, на Земле, поскольку никакие другие известные нам части вселенной в существовании жизни, понятное дело, не нуждаются. А в случае многих сугубо человеческих признаков подобный подход просто интригует, например - почему человек нуждается в таком мозге, который на 95% не используется? Неисповедимы пути твои, эволюция!

Возвращаясь к отсутствию языка у обезьян, мы узнаём, что объяснения сему диву, оказывается, такие:

«Шимпанзе могут связывать названия с предметами, строить фразу из двух слов (то есть комбинацию из двух карточек или двух жестов. - А.М.) и использовать известные им слова в новом контексте. ... Голосовой аппарат шимпанзе значительно отличается от такового у человека, что делает членораздельную речь недоступной для них. Поэтому ученым удалось продвинуться в обучении обезьян языку, только перейдя от устной речи к другим формам коммуникации, в частности, к языку жестов – пальцевой азбуке глухонемых.

... Можно сделать вывод, что шимпанзе способны использовать символы для обозначения объектов, событий и своих мыслей. Но пока остается загадкой, в какой степени эти достижения обезьян свидетельствуют о наличии у них познавательных процессов и как процесс усвоения ими языка сходен с процессом усвоения языка ребенком. ... Шимпанзе не способны усвоить такие тонкости, как порядок слов, равно как и не могут пользоваться языком свободно» (Г. Крайг).

«Если сравнить научение языку с подниманием по лестнице, то можно сказать, что шимпанзе довольно ловко поднимаются на первые несколько ступенек. После этого, однако, они, судя по всему, останавливаются и дальше не идут. Они могут выучить еще несколько слов, но их способность комбинировать эти слова в более длинные и осмысленные высказывания никак не меняется в лучшую сторону. Есть соблазн рассматривать отсутствие у шимпанзе языковой компетенции или чего-либо подобного как **непреодолимый барьер** на пути вверх по языковой лестнице» (Г. и М. Айзенк).

И все-таки главной интригой здесь являются не лингвистические успехи шимпанзе как таковые, а опять же – противостояние двух мировоззрений, ответ на вопрос: отпочковались ли в древности линии сегодняшних *Homo sapiens* и *Pan troglodytes* от общего предка или, скажем так, при «конструировании» шимпанзе неким Разумным Дизайнером был использован шаблон, близкий к человеческому?

Несмотря на выводы, сделанные учеными из многолетних попыток обучения шимпанзе языку жестов и символов, Л. Вишняцкий все же предпочитает согласиться с оптимистическим выводом эволюционных фантазеров:

«Все это заставляет согласиться с выводом, что шимпанзе, как кажется, «находятся на грани создания языка» (Kendon, 1991:212). Почему же они не переходят эту грань? «Чего не хватает? Что удерживает их?» (ibid.:212)».

жения, действительно ставя тем самым под сомнение реальность пропасти, якобы отделяющей их от человека. Это способность к самоидентификации и самосознанию, использование символических средств коммуникации (попросту говоря - язык) и орудийная деятельность».

Ну, как говорится, спасибо, отцы родные. Наградили человечество новым родственником. Да еще не каким-нибудь ископаемым, а самым что ни на есть живым. И уже смотрю я последние фильмы «National Geographic» и не удивляюсь ни атмосфере фильма («милые обезьяны, мы с вами дети одной природы»), ни сюжету – политкорректная «человеческая» мамаша отдает потискать свое годовалое дитя в объятия огромной обезьяньей самки...

Ах, какие замечательные фразы - «демонстрируют невиданные в животном мире достижения», «ставят под сомнение реальность пропасти...». Вот нам хотя бы маленькое утешение – у Л. Вишняцкого мало реально хотя бы «пропасть» меж двумя эволюционными родственниками, а вот Л. Бутовская даже «пресловутой грани» бедному человечеству не оставила...

Однако зафиксируем эти три демаркационных критерия «истинной человечности», точнее, гоминидной разумности, три вершины, которые в эволюционном смысле якобы удалось покорить обезьянам вслед за человеком. Рассмотрим первый критерий – способность к самоидентификации.

*«Во-первых, можно считать твердо установленным, что и обыкновенные шимпанзе (*Pan troglodytes*), и карликовые (*Pan paniscus*) узнают себя в зеркале».*

От таких слов у любого исследователя-приматолога должно появиться ощущение твердой почвы под ногами и чувство неизбывной радости от правильности выбранной профессии. На чем же основана такая уверенность?

«...Это видно, в частности, из того, что очень часто, получив зеркало, они пользуются им для осмотра тех частей тела, которые иначе не увидят). Большинство исследователей истолковывают это как показатель наличия самосознания, способности к самоидентификации (Gallup 1970; Povinelli 1987; Westergaard & Hyatt 1994)».

Помилосердствуйте, господа! Это – самоидентификация? Это самое обыкновенное, на уровне рефлексов, обезьянье «открытие» и «наблюдение» некоей любопытной для нее «линейной зависимости» меж собственным поведением и поведением какого-то незнакомого типа в зеркале, который шеве-

лится только тогда, когда начинаешь шевелиться ты сам. Показав ему свою часть тела, ты увидишь, как он показывает тебе свою. И в случае с маленьким зеркальцем в руке обезьяна, заметьте, не «прихорашивается», не разглядывает себя как именно себя, а просто любопытствует, играет, «балует» со своим отражением. И даже если чисто теоретически допустить, что обезьяна понимает, что в зеркале находится не другая обезьяна, а она сама, то это, извиняюсь, еще не самоидентификация. Самоидентификация как минимум начинается с простейшего осознания себя как личности, включенной в какую-то пространственно-временную систему координат, так сказать, «первые человеческие вопросы с похмелья» – а кто я, собственно, такой, где я сейчас нахожусь, что я сейчас делаю и что собираюсь делать через минуту и т. д.

Есть в этом «убедительном» примере с «самоидентификацией» обезьяны еще и определенные противоречия самим принципам эволюционизма. Например, с какой стати какие-то огузки-недомерки бонобо за компанию с шимпанзе стали свидетельством продвинутого эволюционного развития приматов? Согласно эволюционным догмам, главным показателем развития интеллекта принято считать увеличивающийся объем мозга, каковому показателю карликовый шимпанзе отнюдь не соответствует. В этом примере умиляет и то, что по первому критерию «разумности» даже с карликовым шимпанзе бонобо человек, оказывается, имеет всего лишь **количественные** умственные различия. Можно вполне допустить, что карликовый шимпанзе, кривляясь перед зеркалом, не только себя «идентифицирует», но и всякий раз, скажем, мысленно рассчитывает траекторию полета ракеты к Юпитеру – правда, почти как в анекдоте, очень короткую. С количественным накоплением интеллекта эта траектория, видимо, будет становиться все длиннее.

«Судя по результатам экспериментов с другими приматами, кроме шимпанзе этими качествами обладают еще только орангутан и горилла, в то время как у церкопитековых и широконосых обезьян они отсутствуют (Westergaard & Suomi 1995; Hart & Karmel 1996)».

И добро бы исследователи истолковали это кривляние по-своему и на этом успокоились. Но нет, бери выше! Не хочу быть столбовой дворянкой... Вот бы еще устроить так, чтобы человекообразные обезьяны – чего уж там мелочиться – по своим умственным способностям гораздо более отличались от всех прочих обезьян, нежели от человека! Один раз живем, почему не рискнуть!

Поэтому на основании сомнительных истолкований понятий «разум» и «мышление», а также в духе главной цитаты «Маркса эволюционизма» Дарвина некоторые приматологи делают вывод, который, впрочем, разделяет и Л. Вишняцкий:

«Таким образом, в том, что касается самосознания, «между человекообразными обезьянами и всеми остальными существует качественное различие, тогда как разница между первыми и человеком главным образом количественная» (Hart & Karmel 1996: 343)».

Это несколько странно, так как многим низшим обезьянам свойственны элементы поведения, которые по рассматриваемым нами критериям безусловно относятся к проявлениям разумности – это, в первую очередь, применение «орудий труда» (камней и палок), «обучение» детенышей и даже «использование символов», как у упомянутых Л. Вишняцким верветок. Таким образом идея Хэрта, Кэрмела и примкнувшего к ним Л. Вишняцкого оказывается внутренне противоречивой – общие для обезьяньего таксона поведенческие признаки ставят одних его представителей в близкие отношения с человеком, а в случае с другими просто игнорируются.

Далее.

«Во-вторых, экспериментами в лабораторных условиях было подтверждено высказанное Ламетри еще в XVIII веке предположение, что при необходимости обезьяну можно научить языку при помощи знаков, используемых для обучения глухонемых (по: Hewes, 1993:23). Не вызывает сомнения, что шимпанзе способны общаться с людьми и друг с другом с помощью усвоенных в результате научения визуальных символов и могут даже обучать им своих детенышей, причем без всякого вмешательства человека (Gardner & Gardner 1992)».

С самостоятельной передачей обезьянами своего «лингвистического опыта» детенышам Л. Вишняцкий, конечно, немного погорячился, но вот освоение обезьяной языка жестов и символов – отдельная большая тема, хорошо освещенная в работах западных и отечественных ученых. Разумеется, что освоение это принудительное, с использованием всех известных методов дрессировки. Из-за того, что мозг шимпанзе по своей морфологии похож на человеческий, троглодиты считаются очень успешными учениками. Чтобы не углубляться сейчас в дебри «лингвистической» приматологии, приведу в качестве справки некоторые высказывания исследователей поведения шимпанзе: